

СЧАСТЬЕ О ЧЕТЫРЁХ НОГАХ

Они встретились на обычном месте.

Она поднялась по склону, покрытому блестящей молодой травой и увидела, как он деловито исследует мусорную кучу возле матросской столовой.

Она позвала его по имени.

Он слегка покосился в её сторону, делая вид, что вовсе не замечает.

Ей было четырнадцать лет, её звали Ритка Короткова, была она долговязой угрюмой восьмиклассницей.

Ему было тоже четырнадцать, звали его Арбат, был он рыжим меринком непонятной породы, меринком с подсобного хозяйства воинской части.

Под замшевой курточкой у Ритки была спрятана уздечка, в кармане лежали сухари. Подходила она к Арбату медленно и осторожно. Ведь едва они замечали друг друга, начиналась Игра.

В своей жизни Арбат встретил только одного человека, который смог ему доказать, что людей надо слушаться. Но этот человек давно уже куда-то делся, а остальные люди Арбата боялись. Все боялись, пока не появился этот вот человечек, тощий, смуглый и упрямый.

Правила Игры Арбат объяснял Ритке месяца два. И она послушно училась. Она просто, сколько себя помнила, знала, что если делаешь что-то не так – обязательно накажут. А почему-то не так обидно было получать от Арбата укусы и удары, как подзатыльники от родителей. И к тому же рыжему мерину ничего от Ритки не надо было – ни чтобы она квартиру убирала, ни чтобы училась хорошо, ни чтобы одевалась «как девушка», ни чтобы ходила в школу моделей.

Подойдя, Ритка достала из кармана сухарь и предложила его Арбату на раскрытой ладони.

Мерин сухарь обнюхал, аккуратно взял и начал жевать. Он вовсе не был голоден, его шкура блестела, мышцы покрывал упругий жирок. Ел он из вежливости и ещё потому, что в этом и заключалась Игра – он был дикой лошадьё, а его должны были приманивать и укрощать.

И вот в тот момент, когда рыжий проникался вкусом сушёного хлеба, Ритка незаметным быстрым движением ухватила прядку клочкастой гривы.

Арбат вздрогнул, вскинул голову и замер... Но через пару секунд вздохнул, расслабился и попросил ещё сухарик, толкнувшись носом в застегнутый на «молнию» карман.

Он мог бы вырваться шутя, но таковы были правила Игры. Если Человек ловил Дикого Коня за гриву, то Дикий Конь должен был позволить надеть на себя уздечку...

Ритка так и сделала, а потом угостила его ещё одним, неплохо подсоленным сухарём и повела в поводу мимо длинной белой столовой, мимо столбов, на которых обвисала колючая проволока, под мачтами и растяжками антенного поля, туда, где с одной стороны были виноградники, а с другой – степь.

Тут Ритка остановила Арбата и примерилась...

Мерин пристально смотрел вдаль, словно видел на горизонте за виноградниками, подёрнутыми зелёной дымкой молодой листвы что-то чрезвычайно интересное...

Ритка с маху вскочила ему на спину.

Едва почуяв на спине всадника, рыжий бросил голову вниз и прыгнул в сторону, подыграв спиной.

Ритка знала, что всё будет именно так – по правилам Игры. Она удержалась с трудом, но всё же не упала. Арбат после дикого прыжка остановился, чтобы она могла сесть поудобней.

А потом они поскакали.

Дикий Конь должен был нестись в степь бешеным галопом, и Человек не мог с ним справиться. Но Ритка никогда и не пыталась. Ей просто нравился галоп, и ей всё равно было, куда скакать.

Рыжий мерин жил совершенно свободно, его даже в телегу никто запрячь не мог. Хотел бы – так сколько угодно носился бы по степи. Но почему-то он никогда не делал этого один, всегда дожидался именно этого человечка...

Он прибавил галоп, и вот воинская часть осталась за холмом, влево ушли виноградники, и впереди была только степь, зелёная весенняя степь, каменистая степь, пёстрая от цветов.

Они скакали на восток, навстречу рыхлым облакам, кремовым в лучах заходящего солнца. Им под ноги летела упругая земля с шапками белых цветов, с искрами жёлтых, фиолетовых, розовых, со светло-зелёными прядками не успевшего поседеть ковыля.

Ритка дышала ветром, бьющим в лицо, ей хотелось смеяться и петь, потому что только им с Арбатом принадлежала сейчас степь, севастопольская степь, изрытая оплывшими воронками, поросшая распластанными по земле кустами дуба и держи-держева, степь, цветущая весной, жёлто-бурая летом, робко оживающая осенью...

Никогда не будет степь принадлежать тем, кто ездит на колёсах или ходит на двух ногах!

Арбат шёл лёгким галопом, сам выбирал дорогу между кустов, воронок и камней, а потом... Потом он вдруг взбрыкнул, выгнул спину и пошёл прыжками в сторону – ему примерещилось от ветра и от запаха юной травы, что снова он стал двухлетней.

Земля и небо перевернулись в Риткиных глазах, повод уздечки рванулся из пальцев, и тут же она ударилась затылком и спиной.

На миг наступила кромешная ночь, затем, словно во время рассвета, стали вновь появляться очертания и краски... И услышала Ритка через землю, на которой лежала, волнующий ритм, ритм в три такта, – удаляющийся стук копыт.

Снова помутилось и задрожало нежное голубое небо с кремовыми облаками – это были слёзы, хотя что было плакать, плакать – никогда не помогает...

Теперь надо было подниматься и медленно, спотыкаясь на камнях – не для двуногих крымская степь! – брести в часть. А там найти вдоволь наскакавшего Арбата, снять с него уздечку, скормить остаток сухарей и возвращаться домой. А там, как всегда, получить по голове за то, что прогуляла школу, постараться не думать, что всё, что говорят, ругаясь – это про тебя, и готовить уроки... Только потом можно будет наконец лечь и уснуть.

Но Ритка всё же плакала – оттого, что ей хотелось петь, когда они скакали, а ещё никогда в жизни ей не хотелось петь.

Вдруг – она почувствовала это спиной и плечами, а потом уже услышала – раздался неторопливый топоток в два такта...

Ритка перевернулась на спину и не верила своим глазам.

На фоне облаков и дальних домов она увидела силуэт лошади. К ней рысью возвращался Арбат.

Такого не случилось никогда!

Это было не по правилам!

По правилам Игры, сбросив всадника, Дикий Конь уходил дальше одному ему известной дорогой. «Тебе не нравилось, как мы скакали? Иди пешком!»

Ритка поднялась на колени и растерянно улыбалась.

Приблизившись, Арбат нетерпеливо толкнул её носом: ну, долго будешь валяться?

Она ухватилась за гриву, и он помог ей встать, вскинув головой.

Ритка отпустила гриву, пошатнулась... В руках и ногах был полный разлад, как всегда после неудачного падения.

Мерин переступил с ноги на ногу, фыркнул...

Снова он смотрел вдаль, снова видел то, что людям недоступно...

Ритка знала язык Арбата и поняла, что он имел в виду.

Прыгнула... Сорвалась.

Прыгнула снова...

Мерин дождался, пока она сядет ровно и снова с места снялся в галоп.

Снова скакали они по степи, описывая большой полукруг.

Солнце било вначале в спину, потом в угол левого глаза. Затем оказалось, что скачут они прямо в солнце, и степь перед ними пылает золотом, закатные солнечные лучи пронизывают каждую травинку и каждый цветочек, только камни темнеют в сплошном сиянии.

Они взлетели на пригорок, с которого видно было воинскую часть в балке, затем стремительно сорвались вниз, в холодную тень. Арбат перепрыгнул канавку, зашлёпал копытами по луже, круглый год стоявшей возле казарм, затем перешёл на шаг.

Возле столовой Ритка спрыгнула на землю, сняла уздечку и Арбат почесал об её плечо вспотевшую под ремнями морду.

Ритка отдала ему оставшиеся сухари и, привычно спрятав уздечку под курткой, привычно отправилась домой по привычной дороге.

Только в душе уносила она совершенно непривычное чувство.

Пришлось пройти три километра до самой окраины Севастополя, прежде чем Ритка догадалась, что, наверное, это – счастье.

Она несла в себе счастье бережно и осторожно. Никогда ещё она не получала такого дорогого подарка и чтобы защитить

его от людей, не села в троллейбус, и домой не пошла, а гуляла по окраинным улицам, сторонясь прохожих, гуляла до глубокой ночи.

Раньше Ритка больше всего на свете любила спать и жалела, что нельзя спать всю жизнь. Во сне всё было хорошо. Ей никогда не снились кошмары, ей снились чудесные лёгкие, цветные радостные сны, похожие на многосерийные приключенческие фильмы. Она всегда была в них главной героиней, её никто не бил, у неё всё получалось...

А сегодня Ритка поняла, что счастье бывает не только во сне.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОТ ПРОТИВНОГО

Витька Охриков всем рассказывал, что он спортсмен и мастер спорта. Витька Охриков по кличке Охра нагло врал.

Двенадцать лет назад он, действительно, занимался в конной спортшколе, но так растерялся на первых соревнованиях, что забыл про повод в руках. В результате серый рысак Днепр после «шлагбаума» и «каменной стенки» перемахнул через ограду конкурного поля и ускакал в степь вместе с Витькой.

Маленький Охра не вынес позора.

На спортивной конюшне его больше не видели. А сейчас он держал во дворе своего дома на Корабельной стороне белокаменного города Севастополя двух лошадей и отдавал их надёжным людям в прокат.

Марик Гордеев был надёжным человеком. Очень дисциплинированным и целеустремлённым. Не было у него в голове такой дури – носиться галопом по улицам, прямо по асфальту. Ещё при первой встрече Марик, держа за руку свою молодую элегантную маму, заявил Охре:

– Понимаете, я хочу научиться ездить верхом. Для мужчины это просто необходимо.

Лохматый краснолицый Охра смотрел на Марика сверху вниз – но не подумайте, будто он вспоминал себя в двенадцать лет. Он вообще не любил размышлять и сравнивать. Просто мальчик был послушный на вид и вежливый, мама у мальчика – явно богатая... Охра запросил вдвое больше обычной цены – и тихо порадовался, когда заплатили.

Однако полученные деньги быстро исчезли, как это всегда бывает с деньгами, серьёзный бледненький мальчик занятия

прогуливать не любил, а вдобавок после весны наступило необычайно жаркое даже для Крыма лето... Охра долго терпел, боялся потерять клиента, но как раз сегодня не выдержал. Подседлав вороного Гришку, Охра вручил Марику тесьмянный повод и сказал:

– Марат, сегодня ты должен доказать, на что вообще годишься... При мне, понимаешь, тебя Гришка слушается, но это – не показатель. Вот сейчас я уйду – есть кой-какие дела – а ты должен заставить Гришку ходить по манежу рысью. Ясно?

Марик стал ещё серьёзней и быстро кивнул. Охра посмотрел на него сурово, потом повернулся – и весело отправился на пляж, тот самый городской пляж в Аполлоновой бухте, где можно нежиться на песочке рядом с громадами серых кораблей, а зеленоватая морская вода не всегда чистая – но какая, в сущности, разница...

Так и получилось, что жарким июньским днём, когда с выцветшего неба потоком льются обжигающие солнечные лучи, зелень деревьев кажется бледной, а севастопольские дома из белого инкерманского камня делаются вовсе ослепительными, Марик и Гришка оказались одни на манеже – заброшенном стадиончике, где трава давно была выбита копытами Охриных лошадей. Мерин Гришка нервно ходил по стадиону кругами, чёрная шерсть его от носа до хвоста блестела от пота, под ремнями уздечки и в паху сбилась белая пена. Марик тоже то и дело брал повод в одну руку и размазывал пот по лицу, чтобы он не ел глаза.

Уже час на манеже шло сражение.

На каждый шенкель, на каждый удар тополевым хлыстиком по плечу, Гришка резко взбрыкивал.

Марик еле держался в седле, но не сдавался.

Дело было в том, что Марик воспитывал себя. Он был домашним, книжным мальчиком и страшно боялся всего, что ползает, лает или ржёт. Но такое можно прощать себе в детстве. Сейчас Марику исполнилось целых двенадцать лет, и пора было становиться взрослым.

Умирая в душе, он брал в руки кузнечиков или жуков – и не выпускал их, пока не досчитает до ста, не выпускал, хоть они омерзительно шевелились и скребли по пальцам жёсткими лапками.

На улице он выбирал самых страхолюдных псин и вежливо спрашивал хозяев:

– Скажите пожалуйста, можно его погладить?

И, получив разрешение, сжимал зубы и опускал напряжённую ладонь на огромную голову... Глаза сами по себе закрывались, каждый раз Марик ожидал чего-то ужасного, один раз чуть сознание не потерял, но руку не убрал.

Мама об этих опытах, конечно же, не знала ничего – Марик не мог её так травмировать.

Но потом настала очередь приучать себя к лошадям – и тут уж не сказать маме было нельзя. Уроки стоили денег, а Марик никогда не тратил деньги без спросу.

Маме понравилась идея сына заняться благородным спортом, спортом королей. И краснолицый Охра маме понравился, он выглядел именно так, как должны выглядеть люди, работающие на открытом воздухе, и при такой внешности даже не ругался матом! Вначале Охра и Марику понравился, но скоро Марик понял: его учитель просто глуп. И тем обидней было то, что Охру лошади слушаются, а Марик их боится.

Прошло уже полтора часа, как сгинул Охра, Марик выбился из сил, он с тоской поглядывал на синюю полоску моря над крышами домов, он мечтал, чтобы этот Гришка, тупой, упрямый, мерзкий гад, немедля сдох, и чтоб вороны его клевали... Марик почти плакал, он еле держался в седле, но снова и снова высылал Гришку в рысь.

А вороной мерин горной крымской породы брыкался и брыкался, сердито скидывая головой. Он ведь не клячей был, которая возит помои, он был хозяйской лошадей, значит слушался только хозяина.

И Гришка доказывал это, и пытался Марика сбросить, хоть устал и хотел сильно пить.

Впрочем, пить хотели оба... А в маленьком замшевом рюкзаке Марика, лежавшем у каменной полуразвалившейся ограды стадиона, была пластмассовая бутылка с водой.

Марик долго боялся слезть на землю, ожидая от Гришки какой-нибудь подлости вроде укуса или удара ногой, но всё же наконец решился.

Он прыгнул, чуть не упав, и сразу почувствовал, что после часа в седле своими ногами ходить неудобно... Потом он подвёл Гришку к рюкзаку, достал бутылку...

Вода стала почти горячей, но это была вода! И Марик жадно пил, надев повод на руку. Пил, а потом заметил, что Гришка, шлёпая губами, пытается ловить капли, срывающиеся с бутылки в пыль...

Когда тоже хочешь пить, неожиданные решения приходят сами собой. Марик стал осторожно лить воду из бутылки в подставленную ковшиком ладонь.

Когда хочется пить, страшно сообразительными делаются не только люди. Гришка моментально догадался, что делать, и стал пить из ладошки, да так ловко, что больше ни капли не пропало зря.

Скоро бутылка опустела и Гришка её горлышко облизал. Марик тоже облизнул снова пересохшие губы и сказал:

– Ну вот... Больше нет...

Гришка вздохнул.

Марик секунду думал, что делать с хлыстиком, потом осторожно взял его в зубы и вскарабкался в седло.

Дал шенкель – Гришка взбрыкнул.

На вид всё шло как раньше, только Марик уже не мог ненавидеть Гришку, он чувствовал, что они с ним – одной породы.

Что чувствовал Гришка, не мог знать никто.

Но всё равно под жгучим крымским солнцем на маленьком пыльном стадиончике, откуда видно было море над красными крышами домов, мальчик и мерин продолжали доказывать всему свету, что один – настоящий мужчина, а другой – непокорный конь.